

Борис ЩЕРБАКОВ

Путь к Абаю

*Разъединение со мной моей природы
Один невезжда полной смертью назовет.
Абай, 1895.*

Абай и природа

Прошло более 150 лет со дня рождения Абая Кунанбаева. Имя великого поэта и мыслителя - «начало всех начал» в культуре казахского народа, как и Пушкина в истории русской культуры. На XXVII Сессии ЮНЕСКО, проходящей под представительством 180 стран, в ноябре 1993 года, Абай всемирно признан не только как крупный поэт, но и великий мудрец, философ; мыслитель, посеявший в сознании человечества семена гениальности. Никто не представил до него с присущей ему полнотой полудикую, Великую Сары - Арку, населенную кочевым народом. В рядах признанных титанов мысли мирового масштаба, Абай занял свое, достойное место.

«...национальным достоянием мирового порядка», его творчество назвал Чингиз Айтматов. Ярко и точно выразил признание его как гения Сабит Муканов: «Не все гении поэты, не все поэты – гении. Абай был и тем, и другим».

*Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт*

Строки эти написаны другим сыном казахского народа – поэтом, акыном XX века – Джамбулом.

«Нужно, - писал известный русский писатель Л. Леонов, - поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать всему народу о далях, видных с поднебесной высоты...».

Абая, по нашему мнению, рассматривать следует не просто как талантливого поэта, акына, философа, борца за справедливость и права простого человека, а как человека степи и всего Человечества, как редчайшее явление в национальной культуре кочевого народа, населяющего громадные территории Евразийского континента, представляющих вплоть до конца XVIII века, своего рода «Степную Ойкумену».

Нас интересует в произведениях Абая – восприятие и философское отношение его к природе, «сотворенной волей Аллаха». В слове «Тридцать восьмом» он писал: «Я хочу писать о мире людей» наделенных Аллахом восьмью божественными качествами». Абай обращается к нам – его потомкам, и особенно слова его понятны нам, живущим уже XXI веке: «Приглядитесь и вдумайтесь» – пишет Абай. – «Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождем. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком сахарный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи, образуются новые реки, или разливаются старые, и вода течет в озера, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах ее размножается рыба. Солнце греет землю...»

И здесь Абай, осмысливая состояние и взаимосвязи в природе, открывая законы по которым она живет и развивается, ставит во главу всего – предназначения ее «эгу» - человека.

«И весь этот мир предназначен для людей. – Продолжает он. - Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырем и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные – мясо, шерсть, шкуру и силу; водоемы – рыбу, а рыба – икру. Даже пчелы трудятся для людей, собирая мед и воск, а черви прядут шелк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом.

Ничто из этих богатств не служит самому Аллаху, ибо он властелин мира и ни в чем не нуждается». «Всемогущий Аллах всеведущ, справедлив и милосерден».

Из сказанного совершенно очевидно то, что представления о человеке, его роли в природе, видел он как бы через призму значимости Человека, что отвечало уровню бытующих представлений того времени. Сейчас, взаимоотношения человека и природы, мы понимаем совершенно по иному. Но к сожалению, живем и действуем все еще по меркам мыслителей XIX века.

Вместе с тем, в своих рассуждениях о сущности человечества на земле, Абай как бы предупреждает: «Нет, всевышний не сделал людей полновластными хозяевами земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями Всевышнего». Это уже значит, что мыслитель предостерегал нас от излишней самооценки в отношении с природой.

Возможно кому – то покажется старомодным мышление Абая, но он философ и аналитик, увидел и пришел к выводам, не потерявшим актуальности и в наше время. Все это лишний раз заставляет нас задуматься над величием Природы, созданной по словам Абая, волей божью, и это значит, что мы должны заботиться о ней и считаться с ее законами. Мы не должны забывать и того, что Всемогущественный «не сделал людей полновластными хозяевами земли», и это еще параграф мудрости в «Словах назидания».

Как видно, тема природы была не чужда поэту. По – своему, переживал он состояние окружающего мира, с его прелестями и невзгодами и, как бы, благословляя и напутствуя потомков Абай видел родные степи, по – своему, и это мы находим в его бессмертных произведениях.

Иртыш - всему голова

(Вместо предисловия)

Прошло два года, как жители нашей области познакомились с литературно – культурным, художественным журналом, выпускаемым на двух языках - «Ак –Иртыс – Иртыш». Под патронажем Областного Акимата, благодаря личной инициативе и непосредственному участию в его судьбе Акима Восточно - Казахстанской области - Талгатбека Абайдильдина, также Государственного фонда культуры он состоялся. Несмотря, однако, на истекшее время, журнал тем не менее, пребывает в стадии роста и саморазвития. Следует заметить, что в процессе его становления играют немаловажную роль авторы и читатели: от опыта их и таланта зависит «литературное меню» номеров, - все его «вкусовые качества». Редакционной коллегии много проще было бы опубликовать известных и авторитетных поэтов, писателей, публицистов... У редакционной коллегии есть своя изначальная цель: знакомить широкую читательскую аудиторию не только с видными региональными деятелями искусства, но и молодыми, мало известными авторами, которых нужно найти. На страницах журнала публикуются произведения разных «ранних» авторов: студентов, школьников, в их число входят и пенсионеры. Двери открыты каждому, кто хотел бы войти в мир или в страну художественного слова. Мы за то, чтобы литературные круги пополнялись новыми именами. Особые надежды возлагаются на молодых проживающих в периферийных районах области.

Практика уже показала, - юных талантов, как нераскрывшихся бутонов в майском саду... Наша задача помочь им.

В наше время, в период становления и стабилизации экономики независимого государства, как никогда представляется возможность публиковать материалы, только работай...

Перед членами редколлегии стоит и другая задача – выйти на контакты с широкой читательской аудиторией области. Мы хотим чтобы читатели, как говорится, знали в лицо региональных поэтов и писателей

С этой целью малая бригада в лице директора Областного Фонда культуры и искусства – Арыстанбека Калиокперова, главного редактора журнала, – известного поэта, - Серика Габдулина, автора этих строк, выехала в отдаленные, абайские земли.

Нам необходимо было заехать в Семипалатинске, – закрепившим за собой с давних времен, название духовного центра на Востоке Казахстана, потом уже на родину Абая. Шакарима и Мухтара Ауэзова.

Путь к священным местам, где более ста лет назад вспыхнуло и продолжается неугасимое пламя духовного огня и страстей, в горниле которых, выкован был громадный монолит властелина мудрого, поэтического слова....

Давно хотелось побывать мне на родине человека, нашего земляка, слава о котором выплеснулась за пределы Евразийских степей и признана сегодня всем цивилизованным миром.

В бессмертных произведениях Абая, меня лично, привлекают бессмертные строки с описанием состояния природы, исполненные утонченной лиричности, диалектической взаимосвязи этих состояний с человеческими судьбами.

В «Четырех временах года», сочными красками, философскими мазками поэт нарисовал картины полудиких степей, на фоне которых проходила жизнь кочевников, где как в черно – белом аркане – добро и зло – уживались вместе. Где философия кочевника созерцателя, ограничивалась представлениями, что рожден он и небом и землей.

Благодатною радостью мир наполнен,

Бесконечно украшен создателем он!

Материнскою грудью вскормила земля

Все, что солнцем зачал в ней отец – небосклон

Абай, 1890.

Абай приоткрыл потомкам грядущих поколений исторический занавес средневекового уклада жизни кочевого народа с непростой судьбой, которая видится как сквозь призму, – во всех достоинствах и пороках.

В произведениях поэта часты строки описания состояния природного окружения Великой степи, в тонкой ее текучести, где незримые нити человеческих судеб, души героев связаны природой.

Однако у абаеведов прошлого и настоящего, до сих пор тема природы в произведениях должного освещения не получила, хотя и прозвучала она с особой, присущей ему силой и озарением. Всепроницающее, рентгено – подобное видение, материализованное до осязаемости, передает неуловимые нюансы утонченных, личных переживаний, поэта.

Пусть шелковинкой полевой.

Тростинкою береговой

В твоих объятьях задохнусь,

Замру от страсти огневой.

Абай, 1889.

Яркими вспышками сверкают образы при описании окружающего мира. Это еще одна из сторон его поэтического и философского осмысления, достойная подражания в мастерстве стихосложения. Поэт передает не только увиденный им, прежде не характерный творчеству казахской культуры мир природного окружения, но мастерски передает тонкое, на уровне интуиции, описание явлений под небом степей: краски

неба, музыку ветра, голоса птиц... Все в его произведениях удивляет прелестью былого, безвозвратного уже для потомков его живущих в XXI веке.

Ни кто кроме Абая, не взял на себя смелости отразить с такой силой личную боль за судьбу своего народа, показав самую темную, другую сторону его жизни, темную мрачную как обратная сторона Луны.

*И только в памяти живет
Воспоминанье дней былых,
О том, как дружен был народ..
Но ни одной души вкруг,
Кто б за него болел как друг!*

Абай, 1887.

Душевные муки его, отлитые в «мысль золотую», стали символом мудрости и художественного постижения, геральдикой высокой интернациональной идейности. В этом, как мне представляется, заключается еще одна важнейшая грань незаурядного творчества, масштабности и силы духа, и таланта.

Абай и суров, и справедлив, и к себе, и ко времени. Дух мужества его взял «великий грех», - говорить емкую правду, глядя в глаза времени, чтобы разбудить сознание народа, приобщить его к культуре, прежде всего, близкого русского народа.

*Пойми, что загадкой я был
Искал пути в бездорожье.
Бился один на один,
Не обессудь!*

Переживая пагубность бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых местными правителями, он постоянно испытывал боль за участь темных, угнетенных людей.

Вот его «слова» и стихи - поток безутешной скорби о злосчастной доле кочевого племени Тобыкты.

*Средь чужих – племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы.
Там зависть черная царит,
У многих алчно взор горит.*

*Среди людей чужих племен
Наш род презреньем заклеймен.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.*

Абай 1887.

Абай остался беспощаден к порокам феодально - родовой чиновничьей знати, чванливых бездельников и приспособленцев, оставаясь потому не услышанным, не понятым:

*Аргынцам и найманцам, тем
Мои слова – родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл – лишь звук пустой.
Им слиток золота длю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.*

Абай, 1886.

Или:

*Велика у меня,
Широка родня, -
Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я
И живу средь людей один.
Как могила шамана, я
Одинок - вот правда моя!*
Абай, 1889.

Как бы мимоходом, по настроению, им обрисована вспоившая его земля, в ключе лиричной наполненности и тональности, чего до него не сделал никто. Без его пейзажных картин не было бы полнокровного описания степных кочевий прошлого. Такого рода нюансы создают трудности переводов его произведений на другие языки.

В стихах его слышно как «гремят холодные ветры», «громы соловьев»..., в них уживаются и грусть, и восторг, радость и тревога. В афористичных сравнениях, угадывается, иногда, завуалированное, генетически близкое к мыслеобразам философской лирики Востока.

*Мысль - щенок, забытый в степи,
Не найти кочевья ему...*

Абай, 1895.

Поэт передает столь же адекватное состояние собственной «забытости», даже беспомощности, но уже другими словами:

Я - один, наглых невежд не сочтешь...

Или:

*И, как заброшенный щенок,
Душа моя скулит.*

Абай. 1900.

Нет сомнений в том, что ум его, талант и совесть - главный источник всех его душевных мук и терзаний.

Признание «Степного Гомера»

Абай - великий поэт, акын, композитор и философ, мудрый и дальновидный человек, и конечно, - талантливый просветитель, каких мало в общей истории человечества. Таких как он история делает своими кумирами. Он, как бы, о себе сказал:

*Чьей мысли золото дано
Блестать стихам серебряной оправой.*

Любопытно: мать поэта - Улжан, предвидя словно, судьбоносное предназначение любимого сына, изменила истинное имя его - Ибрагим, которое дал ему отец Кунунбай, на ласковое - Абай, что значит: «осмотрительный», «вдумчивый»...

В «Год Абая», мне посчастливилось побывать с государственными чиновниками и ученым, с деятелями культуры нашей республики, в столице Индии - Нью - Дели. Довелось, выступить по делийскому радио,

где впервые коснулся необходимости изучения темы: - «Природы в произведениях Абая», еще не затронутой глубоким анализом, не ставшей предметом специальных, литературоведческих исследований. Приступив к «путевым заметкам», такой задачи тоже не ставил, чтобы с необходимой глубиной раскрыть это мало изученное направление его творчества, а всего лишь приоткрыл дверь в его «Поэтический Храм Природы».

Несомненно, со временем тема эта будет основательно изучена специалистами – литературоведами и будут сделаны достойные выводы, отражающие полноту и многогранность его таланта.

К сказанному остается добавить, что несмотря на все гонения и даже преследования, которые испытал Абай со стороны властей, судьба проявила к нему благосклонность: он был не только современником, но и дружил с видными русскими ссыльными, интеллигентами, революционерами семидесятых и восьмидесятых XIX века, - Е. П. Михаэлисом, Нифонтом Долгополовым и Северином Гроссом..., сосланным в те годы в Семипалатинск. Они, как известно, приезжали к Абаю; бывали у него на джайляу, наслаждаясь прелестями летней кочевой жизни. Друзья помогали ему, как могли: способствовали его самообразованию, и сами много чего почерпнули от - Абая.

Е.П. Михаэлис - человек времен исторических, бурных. Он был так или иначе знаком со многими передовыми людьми - революционерами – народовольцами, с которыми дружил и поддерживал живую связь. В этой плеяде был и Н. А. Некрасов, способный предугадывать и чувствовать веление времени. Лучшее все созданное тогда в России, публиковалось в журналах Н.А. Некрасова, это произведения: Белинского и Добролюбова, Достоевского и Толстого, Тургенева и Салтыков-Щедрин, Чернышевского и Островского.... Благодаря им русская литература на все времена была поднята на недостижимую высоту. В этот мир входил также, как рыцарь времени, и Е.П. Михаэлис. Влияние творчества этих людей оказывало влияния и на нашего великого земляка – Абая.

Их первая встреча состоялась в 1870 г. в общественной библиотеке им. Гоголя. Между Абаем и Евгений Петровичем – революционером - демократом 60 –х годов, завязалась крепкая дружба, укрепляющая взаимопонимание также русско - казахских отношений. В число его друзей в Семипалатинске входили еще Александр Блек, Павел Лобановский, Николай Коншин... Впоследствии ссыльных друзей Абая, после обыска в ауле, выслали из Семипалатинска в отдаленные уезды и области.

Однако больше всего Абая связывала дружба с Михаэлисом. По воспоминаниям Б. Герасимова, Абай «гостил в Семипалатинске с декабря, по март, проводя все вечера в беседе с Михаэлисом». Однажды, при прощании Евгений Петрович сказал Абаю: «У вас, у казахов, слишком мало образованных людей... А для того чтобы разобраться, где правда, а где обман, нужно много знать. Только тогда вы будете полезны своему народу. Русские книги вам в этом сильно помогут... А я с удовольствием

буду вашим, так сказать, советником...».

Евгений Петрович Михаэлис, - самый близкий друг Абая. В жизни поэта он играл немаловажную роль, влияя на его мировоззрение, как борца за справедливость, за судьбу простого народа. Как личность незаурядная, Михаэлис оставил после себя различные научные труды, открытия в области геологии, географии, изобретения.... Н.В. Шелгунов о нем писал: «Пылкий, умный и смелый...».

В 1911 году он изучает Семипалатинские пески и меры их закрепления. Принимает участие в создании зеленых насаждений около города с целью их закрепления.

В 1882 году, после 13 лет ссылки, выбирает Усть-Каменогорск и переезжает в него из Семипалатинска. Здесь развивает еще более бурную научную и общественную деятельность: в 1885 году первый составляет геологические карты Устькаменогорского уезда, изучает ледниковые образования на русском Алтае, исследуя, в частности, район Катунских Альп или «белков». В это время побывал на Белой и Черной Берели, на Рахмановских ключах... Такие же исследования проводит в Тарбагатае.

Собирает материал в то время для Южного Алтая совершенно не изученной фауны моллюсков.

Неуемный, наделенный от природы недюжиной силой, энергией, сам строит большую лодку и отправляется на ней по Иртышу к озеру Зайсан и выше, с целью возможности налаживания пароходства по Черному Иртышу. На основании материалов исследования этой экспедиции, составил впоследствии подробную карту.

Дружил с Е.П. Михаэлисом и использовал его сведения известный томский профессор – ботаник и путешественник В.В. Сапожников. Его впечатления от встреч с Михаэлисом: «...одним из тех самоцветов, которые вправлены в безнадежную серую раму нашего захолустья; тем праведником, ради которых Бог щадит унылые города»

В 1889 году, в круг таких политических ссыльных как О.Ф. Костюрин, Н. Федоров, при участии передовых людей того времени как – Г.А. Вистениус, А.К. Галимонт, Д. Г. Панкратьев и Е.П. Михаэлис, берутся за озеленение города. При их участии заложены парки им. Джамбула и Кирова. Старые тополя и клены, были посажены этими людьми, но, к сожалению в последние два года они почти все вырублены. Если и дальше придерживаться такого же подхода, как это ведется в нашем городе, давно следовало вырубить посадки в Алматы, давно пора уничтожить Баумскую рощу и, сто или двести лет назад срубить бы следовало четырехсотлетнюю липу в Киеве, под которой отдыхал Богдан Хмельницкий. Не место уже на юге Узбекистана дуплистым платанам, в Сайробе, которые простояли не менее полутысячи лет. Таких примеров привести можно, множество....

Этой же группой передовых людей начато было строительство дамбы в нашем городе от наводнений, которые были почти регулярными до 1952 года, до постройки Устькаменогорской ГЭС.

Михаэлис - инициатор пчеловодства на Алтае. Он сконструировал воздухоплавательную модель, прообраз аэроплана, которая оказалась способной взлететь.

На этом ученый не останавливается: он исследует геологическое строение Калбы, изучает ее золотоносные месторождения.

В пятидесятые годы приезжал в Усть – Каменогорск академик Каныш Сатпаев, он попросил родственников показать могилу Михаэлиса, которого глубоко уважал и возложил на нее венок.

В честь Евгения Петровича названы улицы в Семипалатинске и Усть-Каменогорске.

Жизнь вокруг Абая в те годы складывалась очень не просто, даже более того... Родовое окружение не всегда принимало и не понимало его: велась открытая травля, вплоть до физического уничтожения... Передовой мыслитель, на много десятилетий опередивший свою эпоху, не угоден был, и прежде всего, власть имущим. Боясь его влияния на народ, от него постарались удалить друзей и единомышленников: выслали из Семипалатинска Долгополова, Гросса...

Михаэлис же, по истечению срока ссылки, добровольно, как было сказано, переезжает в Усть-Каменогорск. Абай потом сам приезжал, в Усть-Каменогорск к нему. Вот как вспоминает дочь Евгения Петровича - Валентина Евгеньевна: «...В 1893 году Абай приезжал в Усть-Каменогорск к отцу погостить. Друзья не расставались несколько дней, по истине замечательный человек ласкал меня, брал на руки. Впоследствии, когда я подросла, отец рассказывал мне об Абае, как о талантливом своем друге».

Мир наш этот не лишен загадочности и странностей: нередко в каких-либо направленных деяниях эффект срабатывает обратный. То же самое произошло и в личной жизни великого сына казахского народа: несмотря на преследования и старания царской охранки - ограничить влияние Абая, усилия их оказались не только тщетными, но и дали совершенно другой результат, - они способствовали развитию пламенной дружбы между великими людьми – современниками.

Достойная внимания «случайность», на наш взгляд, проявилась в том, что мавзолей Абая находится в самом центре громадной, степной долины Жидебай, окруженной невысокими, горами хребта Канчингиз, которые называли и называют - «горы Чингистау». Символично и то, что над вечной обителью Абая, под углом в 48 градусов, ровно \!/, стоит Полярная звезда. И это не все.... Великая сила человека, поцелованного Богом, оказалась сильнее времени, и потому так велика любовь к нему народная как к поэту и мудрецу, душой и *сердцем* которого он стал. Понятие «*сердце*» у казахов адекватно словам и понятиям как, - «смелость» и «трусость». Абаю подходит только первое – «*Смелость*». Сегодня нашего земляка, называют в цивилизованном мире «Степным Гомером»..

В честь великого Земляка

Наверное, мало среди нас таких, кто бы не желал соприкоснуться со следами истории жизни Великой степи, где родился Абай, где жили и работали его последователи. Мне давно хотелось подышать воздухом этой земли.

Следуя из Усть-Каменогорска в Абайский район, нам, естественно, пришлось в самой ничтожной степени, но соприкоснуться с далеким прошлым – природным окружением в пути, которое, пусть мимолетно, но Абай мог созерцать.

Зная, что Абай приезжал в наш город погостить к Е. П. Михаэлису, в «Год Абая», проводимый ЮНЕСКО, одну из скалистых вершин у Усть-Каменогорска, в урочище Чечек, относимого к предгорьям «Золотоносной Калбы», автор этих строк назвал именем великого земляка. – «Вершина Абая». От нее, как и задумано было, начался путь наш на родину Абая.

«Вершина Абая»

Невозможно определить, откуда и где начинаются те или иные горы.

А дело в том, что начинаются горы там же, где и кончаются... В нашем случае, это наиболее подходящее определение для начала Калбинского нагорья, которое «начинается» у Усть-Каменогорска. Предгорья эти можно считать началом, как и окончаностью упомянутого хребта. И так, и так – правильно. Пожалуй, будет справедливо считать, что

начало гор не там, где они встают с равнин или обрываются, а там откуда к ним подходим мы. В частности, для жителей нашего города, Калба или Калбинский хребет, начинается с урочища Чечек. Это звучное, старинное название небольшого перевала, переводится как - «Цветок». Здесь, у небольшой, мало заметной речушки, встает и начинается невысокая горная гряда, обращенная к долине Иртыша. Через этот перевал, истари, от города к Таргыну, Самарке, к Кокпектам и Зайсану, проходила гужевая дорога. Сейчас это асфальтированная трасса, уводящая в глубину гор, к немногочисленным аулам и селам, заимкам, рассыпанным среди невысоких, каменистых алтайских сопок.

Названный перевал - первая ступень на подъеме. И здесь же, у подножья, около известного горожанам родника, еще с начала прошлого века стоял небольшой, рубленный «заезжий дом». На подворье всегда были коровы и бараны, лошади, да еще кролики. Последние свободно бегали по степному лугу около дома, постоянно подвергая себя риску: за ними охотились лисы, волки, хорьки, которые еще в 50 – х годах были здесь обычными.

Трассой из города в город - ездили каждую зиму обозы с рыбой. Везли ее с Зайсана. «Обозники» останавливались в заезжем доме обогреться, отдохнуть, попить чаю или переждать пока очистят от снежных заносов дорогу. Помнятся годы, когда со школьными товарищами, набегавшись по горам Чечека, во время охоты за лисами, серыми куропатками, тетеревами, зайцами, устав ходить в наметах и сугробах, мы тоже

заходили к Акимке – хозяину этого дома, обогреться, попить чаю или просто поговорить.

Сопки Чечека не отличались ни чем особенным, не отличаются они и сейчас чем-либо от соседних горюшек: все те же ковыли и типчак, полыни и кустики караганы кустарниковой - дерезы, которую режут на веники. Но с каждой весной, с приходом раннего тепла, по склонам всюду зажигаются, словно разноцветные фонарики, - синие цветы прострела, в науке известного как сон- трава. У нас же называли их – ветродуйками. Ирисы кожистые покрывали самые каменистые, южные склонаы. Их называют романтичнее: - «кукушкины слезки». Целыми букетами горели пунцовые букеты пиона степного, потом открывались белые колокольчики - рябчика мутовчатого и многих – многих, красиво цветущих растений. Видимо за этот апрельский «ситец», которым укрываются наши горы весной, и назван был этот перевал - Чечек!».

В тесной лоцине, у маломальской речушечки, около родничка, над которыми поднялась живописная, заметная далеко сопка, росли переплетенные хмелем непроходимые заросли ивняков, шиповника, черемухи, татарской жимолости, тростника, вейника... Тут же, по крутому склону приречной сопки, в тени и прохладе, стояла великолепная, чистого осинника - роща. И снова вокруг - непролазные чащобы черемухи, ивы ломкой, ежевики, тростника...

В те же самые годы, по этим горам, с зарослями «таразайника», так называли местные жители кустарники, по логом и сопкам, нередко были косули, многочисленными – лисицы: за день можно было поднять их с лежек, десятков и больше. По сопкам, оповещая всех и каждого об опасности, свистели живые столбики сурков и суетливые - длиннохвостые суслики. Последних называют у нас, почему-то, «кысочками» или «кошечками». Словом, это был прекрасный, дикий уголок нашего детства, и прямо около города.

Здесь же, в распадке, по мочажинам у речушки, регулярно гнездились небольшие, светлокрылые хищники - луговые и степные луны. Были годы, когда в соседних скалах, у вершины упомянутой горы, гнезда устраивали даже беркуты. Но всегда были здесь многочисленными мелкие соколки - степные и обыкновенные пустельги. По полям, от предгорий до города, где раскинулся теперь рабочий поселок «КШТ» и придорожные коттеджи, не умолкая, с весны до середины лета, били перепела. На полях, до самого города, колосилась пшеница, рожь, магар или чумиза. В отдельные годы на их месте выращивали, видимо в порядке севооборота, - подсолнечник. Ближе к горам, земли иногда, занимали под бахчи. Но еще много оставалось свободных и они зарастали чернобыльником, конопляником, что привлекало множество пролетной и зимую-

щей птицы. Здесь же постоянно зимовали, и в большом количестве, стаи серых куропаток, которых жители нашего края называли «рябчиками». Понятно, что охота здесь была всегда удачливой. Это была та самая окраина нашего города, которую я полюбил с детства. Прошли годы: удалось побывать в самых разных географических точках бывшей нашей великой страны и зарубежья, а вот родины Абая до этого времени не видел. Желание побывать там, меня не покидало.

Ту самую гору, сложенную из причудливо - источенных ветром и дождями гранитных глыб, с полу - пещерами, трещинами, решено было назвать, в тот самый «Год Абая», - «Вершиной Абая».

С нее открывается замечательная панорама долины Иртыша с нашим, красивым, но погруженным в темно - сизую «атмосферу» городом, из которого торчат громады труб промышленных предприятий. Трубы издали походят на гигантские, чадающие сигары. Странно конечно, что этот самый серый войлок - называем «воздух», сквозь который мы очень редко видим свое звездное небо. Отсюда хорошо видны у Иртыша рыжеватые утесы. Эти утесы и есть оконечность предгорий Ульбинских гор. Видна и самая высокая гора у города - гора Тарабайчиха и соседняя с ней Жыланды.

Стоя на этой вершине, нетрудно представить тот старый «деревенский городок», как назвал его наш писатель В. М. Шапко, с серыми, рубленными домами и избушками на стрелке Иртыша и Ульбы. Над городом возвышался Успенский собор и колокольня городской «пожарки», частично сохранившейся на территории областного Акимата. Неподалеку, в 1993 году, на Соляной улице, и гостил у Михаэлиса Абай.

Главное, в нашем мимолетном обозрении, - Прииртышская долина, уходящая по реке вниз. Этой долиной проходит автотрасса на Семипалатинск. По ней же, в XVIII веке, проезжали многие известные путешественники - географы, биологи... Несомненно, что этой же долиной подъезжал к городу Абай. На чем приезжал? - На пароходе? на санях? зимой? - не известно.

Вдоль Великой реки

Из Усть - Каменогорска асфальтированное шоссе уходит вниз по левому берегу Иртыша. По ней же мы и отправились на родину акына и поэта - в Караул. Стояло поздняя осень: последние дни октября, которые принято называть поздним предзимьем.

По левую сторону от дороги, вставали, разбегались и исчезали, словно играющие в прятки, небольшие холмы. Перезревшие, утратившие всякую свежесть осенние травы, придавали местности отяжеленное хмурым небом состояние глубокой задумчивости. С права, - долина у реки прогибалась, понижалась, и степь здесь незаметно сливаясь с поседевшими тополинными рощами поймы Иртыша. Сквозь эти заросли, время от времени, блистали свинцовые зеркала вод. Пойма здесь довольно

широкая. Иртыш же, оставив теснины гор у города, вырывается на простор и наслаждаясь привольем и ширью степей, обретает покой и сытый лоск. Местами, это хорошо видно, русло расплеталось на протоки, образуя многочисленные острова и островки, с остроклювыми косами, устремленными против течения.

Вглядываюсь в дали, в приречную долину, в пепельно - серые рощи... Пытаюсь представить, все это более ста лет назад; «на что мог обратить внимание Абай?». Уверен в одном лишь: мысли этого мудрого человека, духовного лидера своего народа, невеселыми были – по причине того, что жить пришлось ему в «невеселсе» время. Это состояние превалировало в его настроении в течении всей его зрелой жизни. И снова вопрос: плыл ли пароходом, с борта оглядывая берега, на телеге – слушая скрип тележных колес..., может верхом – подбадривая камчой ход коня..., или же зимой на санях, запахнувшись поплотнее в овчинный тулуп? Как бы это ни было, в любом случае, картины были эти же, мало изменившиеся, они проплывали перед его вдумчивым взором, оставляя небольшой, но все-таки след в чуткой его душе. Абай проезжал здесь предвкушая встречу с другом, по этой же дороге возвращался назад под впечатлением от встречи с Михаэлисом. Значит на этом пути испытал он ожидание встречи и переживал горечь разлуки... Теперь же, когда не стало его друзей в Семипалатинске, он еще болезненнее переживал свое духовное одиночество. Как нигде лучше, как казалось, настроению этих серых, унылых степей, отражали его оторванность от близких ему людей:

Ни друзей у меня, ни любимых нет.

Я устало пою на исходе лет...

Абай, 1886.

И еще:

Я ищу эту дружбу – нет никого.

Кровью сердца заву – повсюду мертво.

Я приятелей тьму обрел без труда,

Но любимого друга – ни одного!

Абай, 1886.

Каждый о своем...

На пороге ноябрь... Растерявшие зеленый покров батальоны тополей, сиротливо толпились, скрывая гибкую плеть Иртыша. Сквозь седые рощи просматривались частые, старые села. В те давние годы, еще нигде не практиковалось в полеводстве - придорожных древесных посадок. Теперь же, по обоим сторонам тянулись нескончаемые гряды неряшливых, постаревших тополей, кленов и вязов... На корявых стволах, на ветвях, переживших десятки таких же ветреных дней поздней осени и морозных зим, утративших всякие признаки жизни, стужками, ржавыми мотками проволоки, темнели гнезда отлетевших уже к «югам» грачей. И чем стремительнее мчался «Джип», сорвавшийся словно с при-

вязи скакун, тем чаще выныривали на пути все те же увалистые холмы и горушки, типичные для предгорий Калбы.

В калейдоскопе унылых равнин и холмов, столь же удручающей выглядела и другая сторона Иртыша: голые берега сменяли также голые, каменные гряды невысоких гор. За одной из них показалось село Предгорное. Название село получило, по-видимому, из-за серой, лишенной какой-либо растительности, горы, под которой ютятся его постройки. Тяжелым камнем от увиденного, наваливалась тоска, Она стояла над всей уснувшей, почерневшей от первых холодов далью, свив себе гнездо, где – то в глубине сердца...

- Лучше смотреть на пойму, с ее тополями, селениями, протоками и островами....

И подумалось еще: - удачно, все - таки, назван журнал - «Иртыш». А он - Иртыш настоящий, - древний, живой и могучий, вскипал под напором неустанного ветра; пульсировал и бился серебристой жилкой, - один из немногих, в могучем ветвлении рек, нашего северного полушария.

Трудно представить, что когда – то, по степям и долинам, - веками и тысячелетиями кипели страсти живущих здесь кочевников, воинов, рудознатцев... Велико и прекрасно оно - Прииртышье! А если б не было здесь реки, лежала бы от горизонта до горизонта сухая, безводная степь, с каменистыми сопками, какие рассыпаны и по всей Великой степи - Сары - Арка, начиная почти от Каспия и Арала, до предгорий Алтая, и Западно - Сибирских равнин. И, вместо пресловутого Прииртышья, доставали сюда бы желтые, как совиное крыло - необъятные и сухие степи - Казахстанского мелкосопочника.

- Без журнала можно, без Иртыша....?

- Иртыш был и остается главной, животворной артерией на этой земле, на все времена. Вон сколько около сел, старинных и построенных уже за советские годы. И всюду теперь - тучные поля уставленные стогами, пашни, луга, да выпасы...

Мои спутники также взглядывались в осеннюю даль, думая о чем – то своем.

- О чем - же думал Абай, -думал я. – когда проезжал этими местами?

Октябрь – время поэтов

Люблю осень. Последние дни октября – пора особенная: глубоко лиричная...

*Потянулись на юг косяки журавлей,
Люди едут за хлебом с кочевки своей,
По аулам – уныло, ни игр, ни забав,
Только ветер гудит все слышной. Все слышной.*

«Осень». Абай, 1889.

Это то самое время когда природа, бесстыдно обнажается и смотрится совершенно не защищенной: недавно еще зеленые и разноцветные дали

обратились в монотонную, перезревшую ниву. Поднявшие головы с далеких равнин горы, - безмолвны, словно объятые тоже раздумьем. И только без усталости и печали, на все голоса и мотивы, поют над степью осенние ветры.

В унылых просторах представляю себе далекое прошлое: но, почему - то не в весенней, праздничной степи, а в такой, вот - осенней, погруженной в легкую печаль. В помутневшей, серой дали, все тонуло и меркло... Время осени, как казалось мне в этот час, наиболее подходящее и выразительное, чтобы приоткрыть страницу прошлого, в котором пребывал великий поэт:

Тучи серы, хмурые, дождь недалек.

Осень. Голую землю туман заволок...

Разные, порой противоречивые ассоциации возникают, когда перед глазами плывет поздняя, осенняя степь. Представляя эти полынные дали в ушедшем столетии, сквозь туманную дымку времени «виделись» краски, которыми рисовал эту же самую степь Абай. В произведениях его - много осени, густо окропленной философской лирикой.

*Ноябрь - преддверие зимы, пора в аул пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.*

Абай, 1888.

Попутчица наша - типчаковая степь с пучками чия. В стороне, по - прежнему, свинцовые воды катит Иртыш. Он то скрывается за степными уступами, за береговыми тальниками, то блеснет небесными красками меж седых тополей. То вдруг, испугавшись чего - то, умчится к каменистому берегу другой стороны. Железное сердце «Джипа», которым с необыкновенной легкостью управляет Арыстанбек, мчит нас снова около реки. И река уже расплетается на ленты проток, с галечниками, с тальниками...

По прежнему вопрос мой навязчивый:

- На чем же ехал, как добирался Абай до Усть-Каменогорска?

Никто этого пока не знает, кроме степи и береговых скал... Все это время, может об этом рассказывают ветры, но к сожалению, языка их не понимаю.

Поздняя осень не только время унылых пейзажных видений, не только сезон порывистых ветров, это еще и время поэтов. Осенью и весной, как в половодье: сердца романтиков переполняются впечатлениями и творческим настроением. Поэту стоит лишь обмакнуть перо в собственную душу и на чистый лист бумаги ляжет звонкая и чистая, как льдинка строка. «Если поездка нашего великого земляка проходила осенью, то чувство это, кончиком пера, коснулось и его чуткой души и острого взгляда. Так что осень в наших степях, не только время ветров, непогоды, это еще и время поэтов..»

*Настроение осенней степи
В поле ветер машет гривой,
Оседлай и догони.*

Абай, 1896.

Ветры как прежде, волнуют ковыльные дали, резвятся сотрясая нашу машину, кружат зловещими птицами, а сама степь на серых крыльях летела на встречу к зиме. На спидометре сто... Непонятно: то ли ветер встречный свистит, то ли гонится он следом, чтобы догнать и шепнуть что-то такое, чего мы не знаем, о чем не догадываемся. Они сошли с ума: бушуют в осеннем загуле. Куда ни глянешь, – травы куда – то бегут, травы кому – то кланяются, травы достают макушками до земли...

Прежде степь измерялась кочевьями, мы же следим за километрами, ориентируемся по указателям и селам. Позади череда Прииртышских селений - Отрадное, Предгорное, Макеевка...

Снова раздумья...

К дороге бежали округлые сопки от громадной, серой гряды Калбинских гор. На глазах они подрастали, и осмелев, встали у обочины трассы, очерчивая вершинами задымленный горизонт.

Вспоминаю, что Прииртышские могильники древних кочевников, раскопанные археологами у села Зевакино, что виднеется напротив - по правому берегу, раскрыли далекое прошлое этих мест. Рассказали, как долины и степи отражали топот летящих копей, о жужжании стрел, гиканье всадников, не знающих пощады и жалости... Из века в век приходили сюда все новые победители, вытеснив прежних... Но время ко всему беспощадно - рассеяло и их... И снова века, и снова «проклятая», кипящая кровь кочевника не давала ему покоя, побуждая к новым походам, к захвату новых земель. И снова неисчислимые орды их, подобно стаям кочующей саранчи, устремлялись в неизведанные края над которыми стоит Звезда Севера.

История народов Центральной Азии не сравнима с историей народов других частей света: Великая Азия – тысячелетиями и веками переживала кипучие страсти, периоды угасания и возрождения воинствующих кочевий.

Многое, связанное с их историей, исчезло в глубинах вечного. Все предано забвению. Но на дне истории оседали кристаллы, былой культуры. Только она - культура, превзошла и силу, и мощь великих сражений. Она оживила славу царей и владык, обратившихся в пыль и тлен. Малый осколок сосуда, наконечник стрелы, петроглифы, фигурки зверей, обнаруженные при раскопках, способны воскресить к «жизни» далекое, прошлое. Благодаря им, могилы и курганы, заговорили..., как не парадоксально это звучит, но именно так. Не парадокс ли? Мрак подзе-

мелья сохранил и «оживил» свет древних костров и разбудил боль оставленных пепелищ и, обреченные на вечное молчание курганы, оказались самыми «болтливými», а «голоса» их – более живые и красноречивее, чем песни самого Орфея. Найденные при раскопках предметы рассказали о жизни тех, кто горячих коней принимал как возможность преодоления времени и простора. Сам же простор измерялся количеством стычек и сражений. Поэтому рассыпанные по степям и долинам Заиртышья курганы, оставленные теми, кто жил здесь сотни и тысячи лет назад, делятся с нами, - поколением XX - XXI веков, волнующими тайнами прошлого. Там же, из малых могильников археологи извлекли разную утварь. Найден был, например, медный кувшинообразный сосуд с изображениями беседующих мужчин. На другой стороне его – крупная птица, скорее всего - дрофа. Почему и нет? Даже в абаевские времена, по этим степям громадными стадами бродили эти замечательные птицы. Другое дело в наше время: не осталось уже и старожилов, которые помнили б о них....

И пока внимание мое привлекал берег с зевакинскими могильниками, как у дороги по увалам, оцетинились гранитными скалами сопки. С дороги видна вершина самой большой – «Острой» сопки, она ближе всех к Иртышу. Каменные скульптуры, словно ожившие, направились к реке, и сказочными богатырями вышли на другом берегу, - у села Зевакино. Углая гора, со скалистыми обрывами, лишенная какой-либо древесной растительности, встала над самым берегом. Ближний рукав реки услужливо обогнул ее свинцовой петлей задумчивых вод и углубился в степь. Пойма вся поросла деревьями и кустарниками. В целом же, место не только красивое, но и удобное: здесь через Иртыш налажена была паромная переправа.

Прошлое этой земли, как говорилось, насыщено событиями, и каждое село хранит свою историю. На камнях у Азово найдены петроглифы, оставленные древними художниками.

За окнами нашей машины, обгоняя ветер, кружила осенняя даль и, на сколько хватало глаз, на все стороны - поля и пашни.... Давно этот край избран и обжит человеком.

Позади более пятидесяти километров. По правому берегу снова бугрились сопки, и такие же виднелись на нашей стороне. Местность заметно повышалась. На пути - большое село. Название его проливает свет на давнее, связанное с переселенцами из Причерноморской Тавриды. В лихолетье, тавричане искали здесь лучшие земли.... Появились и навсегда поселились, покинув родные им степи. Желая в чужих краях сохранить то, что напоминало бы им родину, - они назвали село - Таврия.

За селом тянулись серые и рыжие поля с табунками лошадей, отарами овец, рассыпанных по полю, словно спелые зерна. Около скота - пастухи и собаки. Последние норовят обогнать и облаять, и машину, и каждого.

Села как люди: цветущие, богатые, каким было и это несколько лет

назад. Теперь же оно поражаало запустелостью. Казалось, придорожные дома смотрели, как вдовы, печальными глазами окон. Нечто такое же считывалось с лиц самих тавричан... Но жизнь устроена так, что время расцвета сменяется угасанием, депрессией, за ними же следом идет обновление и возрождение. И уже не кажется, а на самом деле, - день этот пришел и стоит у каждого порога.

В дороге не замечаешь, что подобно вспугнутым птицам, мысли разлетаются в разные стороны, пропадая где – то в осенней дали.

Знать бы хотелось: такими ли видел края эти и села Абай? Что ему думалось здесь?

Вырвавшись из обветшалого села, дорога серой асфальтовой лентой устремила к северу.

Дулыгалы

За Таврией, где-то под самыми облаками, показалась мутная громада вершин - Дулыгалы. Статью и силуэтом, ближняя гора, под которой спит озеро, напоминает царственную пирамиду Хюпса. Острроверхая, крутобокая, закованная в гранит, олицетворяет она и мощь, и красоту. К горе припаяна гряда других вершин, которые цепью уходят, сливаясь с горами Ак-Тас, Кызыл - Тас, Аир-Тау... В них сохранились еще десяток другой казахстанских диких баранов – архаров. Но поверить трудно уже, что пятьдесят лет назад в этих горах водились горные козлы – таутеке.

Скальные громады, как старые замки, монастыри, поднялись над равнинами или одинокими шатрами, юртами рассыпались по степям, словно пристанища неизвестных кочевий. Удивительно, что горы здесь всегда появляются среди степей столь же неожиданно, как всадник или одинокое жилище степняка.

Особой красоты горам прибавляет Дулыгалинское озеро – зеркало, в котором любуются собственным отражением горы.

Название «Дулыгалы» сама по себе загадочно: принято считать, что название связано с живущим здесь когда - то племенем. Но это всего лишь догадка. Обычно, как показала история, - названия переживают на тысячелетия своих возродителей. В старинных названиях местности есть нечто отличительное: меткость и мысль. Если уж есть название, - рой глубже: есть в этом какая-то тайна, спрятанная в недрах времени. Не случайно же название «Калба», женского рода. Она, в отличие от гор Алтая, по-женски, по - особому, кокетлива. Поэтому каждая гора ее, и каждая сопка не может не любоваться своим отражением в чистых своих озерах, как легендарный Нарцисс. Таков каприз этих гор. В этом причина столь частых озер, брошенных в подножью гордых вершин.

Под пирамидой горы - трапециевидное озеро более двух километров

длиной при ширине вполовину. Берега в зернистых песках с блестками слюды, добавляющих солнца и света. По склонам, над самой водой, - отвесные скалы, заросшие кустарником.

Впечатление фантастическое. Что может сравниться с дуэтом воды и гранитов...? Особое очарование приходит сюда в полуночный час луны. «Ночное солнце» над вершинами с гребнистыми скалами, оставляет неизгладимое впечатление: Луна настолько чиста здесь и громадна, сравнима лишь с той какую видел в песках Кара-Кум, близ Аральского моря. Без луны и представить невозможно тихих, летних ночей над ночной пустыней. В свой торжественный час она поджигает светлым огнем гранитную «пирамиду». Из густого мрака свет ее выхватывает выпуклости, грани, углы каждого камня. Скалы в ее сиянии источают холодный, фосфорицирующий свет. Озеро светится, оно горит озаренное сиянием. В призрачном свете, все обретает таинственность и тогда - всюду вместо скал и кустов - странные создания и чудища, стерегущие тайну этого часа.

Однако, степь бегущая за нами, возвращает к действительности. Под небом - осень: поблекли краски, пронзительный октябрьский ветер господствует всюду. И потому, снова скука снова и печальные силуэты горных вершин... Но снова память возвращает мне черную воду Дубагалинского озера, в котором утонули опрокинутые небеса усеянные ключими звездами. Небесный огонь озера и, образ сияющей луны, разливаются на полусонной глади..

Тихой ночью при луне

Луч в воде дрожит слякка.

Абай, 1888.

С каждой секундой горная группа - Дулыгалы, уплывает с той же скоростью, с какой мчится наш «Джип». Опять тянутся горы и степь, а память не отпускает, все еще - «пирамиду» и озеро.

Была однажды ночь..., воздух был насыщен прохладой и свежестью, и кажется духом только что пойманной рыбы. Неуловимое течение ветра приносило ароматы пахучих трав и горячего камня. В такой час, у озера до краев налитого ночными огнями, повисает звон кобылок, отрезавших от зноя, сверчков и цикад... И с каждым вздохом, пьешь густую горечь настоящую на размлевшей за день полыни. Нет, кажется, на земле столь уютного уголка, где бы так дышалось, где с такой щедростью разливалась бы томящая красота и покой.

Виновата земля Казахстанская...! Виноват край...! И в том вина их, что родились здесь люди, как: Абай и Шакарим, Гребенщиков и Павел Васильев..., слова и мысли которых навсегда останутся на скрижалях Евразийской культуры.

Мимо, по-прежнему, торопливо бежали горошки с торчащими на них скалами. Неправильной формы валуны, похожие на булki, сундуки, баш-

ни устилали скалистую сопку, что пузырем поднялась прямо у дороги. Как у кипчакской вдовы, были у нее черные и печальные, как горе, залитые пустотой, глаза. Изъеденные скалы казались одушевленными и, как плакальщицы сосредоточенно смотрели в густеющие, грозовые тучи, в заросли кустов, которые темнели по всей степи. Даль чрезвычайно изменчива и капризна: то светлеет она, то темнеет и морщится, то беснуется бегущими травами и волнуется как в ненастье море. Вокруг уже ковыльные волны и ты уже едешь не по шаткой степи, а плывешь будто разрезая серебристые волны.

Позади уже сверток к поселку землепашцев - Багратион. Проехали мостик нависший над разрушенными берегами, пересохшей почти Карасу – малой, степной речушки. Глядя на нее, приходишь к выводу, что на всем белом свете нет речек скучнее чем она...

И снова вдоль дороги бритоголовые бегут горушки. На их вершинах снайперами засели, едва выглядывающие из ковылей, скалы... Таковы картинки Прииртышья, где часто, словно из – под земли, встают вдруг леса и горы, и, как полая вода они топят бескрайние степи или пустыни...

Со всех сторон - бесконечная, ровная, в белоусых, ковыльных разливах даль. Степь в серебре типчака, в пятнах полыней. Верблюжьей шерстью рыжеют и темнеют сплошные массивы чернобыльника. Но скоро-скоро, вместе сбегаются сопки, спустившиеся с низкой, горной гряды. Серое полотно оживляют стадо пестрых коров, и одинокий всадник. Все как и сто, и двести лет назад... Трудно, но верится, что в наше – то время, можно еще никуда не спешить. А куда? Даль обгонит здесь каждого.

Сквозь низкие облака глянуло солнце. Степь перекрасилась. Она походила теперь на старый сырмак, с нечетким узором. Несомненно, что степь подарила идею национальным узорам, – такая вся разная, расписная, поэтичная...

Сквозь травы проглядывали ржавые и рыжеватые почвы, с пятнами солонцов. По таким же рыжим холмам и глинистым равнинам - белым бисером рассыпанных камешков кварца. В «старо-давние» времена колыхались здесь воды исчезнувших озер, оставив после себя цветную лишь глину. Теперь же даль пересекает углые речушки, с пересохшими, основательно руслами. В понижениях, где всегда повлажнее, - густеют ивняки, рогоз, степной тростник и пышные вейники.

